

СЕМЬЯ ДЛЯ СОФИИ

18+

РУСЛАН МАХМУДОВ

Руслан Махмудов

Семья для Софии

<https://litres.ru/74624619>

SelfPub; 2026

Аннотация

После гибели сына Вера и Илья решаются на усыновление десятилетней Софии. Тихая, вежливая девочка кажется готовой к новой жизни. Но вскоре у дверей появляются стаканы с водой, на мебели — вырезанные знаки, а по ночам из детской доносится шёпот.

София уверена: она должна подготовить новых родителей к приходу Матери. Иначе пострадает мальчик, оставшийся в далёком приюте.

За странными ритуалами обнаруживается «Забытая община», научившая детей расплачиваться послушанием за безопасность близких. Её власть не заканчивается за воротами приюта. Кто-то знает семейные тайны Веры, передаёт Софии сообщения и заставляет её бояться тех, кто пытается помочь.

Чтобы защитить дочь, Вере придётся столкнуться с людьми, превратившими заботу в оружие. Но как спасти ребёнка, который ждёт возвращения своих мучителей — и считает спасителей врагами?

Содержание

Глава 1. Сумка	5
Глава 2. Три места	14
Глава 3. Нижняя сторона	21
Глава 4. Голос	28
Глава 5. Условие	35
Глава 6. Сопровождение	42
Глава 7. Коробка Миши	49
Глава 8. Без свидетелей	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Руслан Махмудов

Семья для Софии

Семья для Софии

Руслан Махмудов

Глава 1. Сумка

София проверила молнию на сумке три раза. Потянула бегунок до конца, просунула палец под застёжку и снова потянула. Вера стояла рядом и делала вид, что читает расписание на стене.

В расписании всё было устроено надёжно. Подъём, завтрак, занятия, прогулка. Вера знала, что в половине шестого в этой прихожей начинали мыть пол, и теперь каждый раз, чувствуя запах хлорки, вспоминала четыре часа обратной дороги. Сегодня возвращаться предстояло втроём.

— Я могу подержать, — сказала она.

Девочка отступила на полшага.

— Не тяжёлая.

Зелёная сумка была почти пустой. Два свитера, сменная обувь, альбом. Вера видела, как всё это складывали. Она привезла небольшой чемодан, но София выбрала старую сумку с оторванным боковым карманом.

Из кабинета вышел Илья. Он прятал документы в папку и улыбался с таким усилием, что Вера захотела поправить ему воротник, дать какое-нибудь занятие рукам. За последние месяцы они научились радоваться осторожно, чтобы не сглазить, хотя ни один не верил в приметы.

— Всё, — сказал он. — Можно ехать.

Полина Аркадьевна появилась за его спиной. Сегодня ди-

ректор приюта надела светлый костюм, не тот синий кардиган, в котором встречала их прежде. Она опустилась перед Софией на корточки, но колени подвели, и пришлось прижаться за край стола.

— Ну, наша путешественница. Помнишь, о чём говорили?

— Не стесняться просить, — сказала София.

— И ещё?

— Если что-то болит, говорить.

Полина Аркадьевна обняла её, прижав щекой к жакету. София осталась прямой. Когда объятие закончилось, на тёмных волосах девочки виднелась светлая нитка. Вера сняла её только после того, как спросила разрешения.

В день судебного заседания София тоже держала сумку перед собой. Вера запомнила, как белел костяшками кулак на зелёной ручке. Когда её спросили о согласии, девочка ответила ясно, не оглядываясь на взрослых. А после, в коридоре, спросила Веру, обязательно ли теперь менять имя.

— Нет. Мы оставили твоё.

— София?

— Конечно.

— Просто меня все Соней зовут. А мама говорила София.

Вера тогда впервые услышала от неё слово «мама» без паузы и оглядки. Не стала говорить, что ей нравится это имя. Хотелось оставить его девочке, не прикрепляя к нему собственного одобрения.

Теперь, у дверей кабинета, София проверяла застёжку, и Вера вспомнила другую их встречу. В июле они приехали на полтора часа. Вера привезла настольную игру, старательно изучив возраст на коробке. София разложила детали, выслушала правила и спросила, можно ли сегодня просто погулять. Первой Вериною мыслью было: ей не понравился подарок. Второй — что ребёнок вообще-то сказал, чего хочет, а она уже успела услышать оценку себя.

Они гуляли по дорожке вдоль лип. София считала трещины между плитами, Илья рассказывал, как в детстве ловил водомёрок. Вера всё пыталась задать вопрос, который сблизит их сразу. Но ближе они стали, когда у неё оторвалась пуговица и София поймала её, прежде чем та закатилась под скамью.

— Нашла, — сказала девочка тогда.

Вера носила пуговицу в кармане весь июль. Потом пришила обратно. Сегодня застегнула на неё тот же карман и положила туда ключи от дома. София следила за её пальцами. Вера опустила руку, чтобы не торопить.

Во дворе гудела газонокосилка. Рядом с корпусом стояли две большие липы; за ними, ниже по склону, серела крыша длинного здания с заколоченными окнами. При первой встрече Вера спросила о нём. Сказали: бывшая прачечная, аварийная. В другой приезд Илье ответили, что там был склад. Оба объяснения подходили к облупленным стенам, и Вера больше не думала об этом.

Теперь София смотрела именно туда.

— Хочешь с кем-нибудь попрощаться? — спросила Вера.

— Уже.

— С Ромой тоже?

Девочка кивнула слишком быстро.

Рому Вера видела однажды: маленький мальчик в жилетке, с разбитыми очками, которые он носил в руке. София помогала ему застегнуть куртку и сердилась, когда он отвлекался. Вера решила тогда, что это хороший знак: с ним девочка могла сердиться.

От ворот к ним шла женщина с короткой седой стрижкой. Она держала бумажный пакет, прижимая его к груди обеими ладонями.

— Успела, — сказала она, хотя никто её не торопил. — Сонечка, вот. Забыла.

— Она просит называть её Софией, — мягко поправила Вера.

Женщина посмотрела на девочку.

— Конечно. София.

Вера помнила её: Тамара Николаевна, бывшая воспитательница, теперь помогавшая благотворительному фонду. На одной из встреч она принесла карандаши и предложила номер для вопросов о привычках девочки. Вера записала его, как записывала всё в те месяцы: в тетрадь с жёлтой обложкой, между списком анализов и телефоном специалиста по семейному устройству.

В пакете лежал маленький синий плеер с проводными наушниками.

— Сказки перед сном, — объяснила Тамара. — Успокаивает. Сеть не нужна, заряжается обычным проводом. Он старенький, зато кнопки понятные.

София взяла плеер, подержала на ладони и убрала во внутренний карман сумки. Молния снова не закрылась с первого раза.

Вера хотела сказать, что дома они тоже могут читать сказки. Но это прозвучало бы так, словно всё своё девочка обязана оставить за воротами. Она лишь поблагодарила Тамару и попросила прислать названия записей.

— Посмотрю, что сохранилось, — ответила та.

На заднем сиденье София пристегнулась раньше, чем Илья успел обойти машину. Вера устроилась рядом. Так решили заранее: если девочку укачает или она захочет поговорить, ей не придётся обращаться к затылкам новых родителей.

За воротами оказалось тесно. Старый автобус сдавал назад, мужчина в рабочей куртке выталкивал из колеи тележку. Пока Илья ждал, Вера увидела у крыльца Рому. Мальчик стоял без жилетки и держал перед лицом ладонь. Не махал. Закрывал пальцами рот.

София опустила глаза на колени.

— Остановимся у реки? — спросил Илья, когда они выехали на асфальт. — Там пирожки. Мы брали в прошлый

раз.

— Можно не останавливаться, — сказала девочка.

— Можно. А можно остановиться. У нас целый день.

Вера взяла с сиденья бутылку воды и положила в карман двери, чтобы София могла достать сама. Девочка следила за каждым движением.

Через двадцать минут она спросила:

— Решение уже нельзя обратно?

Илья взглянул в зеркало. Вера поняла, что он тоже услышал в вопросе просьбу, но не знал какую.

— Суд решил, что мы твои родители, — сказала она. — Документы готовы. Мы едем домой.

София провела пальцем по шву сумки.

— А если я плохо буду?

Вера почти ответила: «Ты не будешь». Слова уже стояли во рту, лёгкие, бесполезные. Она сглотнула.

— Мы всё равно останемся твоими родителями.

Девочка посмотрела в окно. По стеклу перебежали тени елей. Вера не стала добавлять обещаний. На подготовке им говорили, как легко взрослые произносят «всегда» и как внимательно дети потом ищут исключения.

У реки они всё-таки остановились. София выбрала пирожок с картошкой, но не ела, пока Илья не откусил свой. Потом аккуратно разломила тесто и отложила половину на салфетку.

— Можно взять с собой?

— Конечно.

— Она остынет, — заметил Илья и сразу добавил: — Дома разогреем.

Вера смотрела на воду. Здесь, у придорожного кафе, у неё впервые возникло не представление о семье, которое она столько раз прокручивала перед сном, а простое знание: нужно найти пакет для половины пирожка. Она пошла к стойке, попросила два, взяла ещё салфеток. Когда вернулась, София держала вторую половину над раскрытой ладонью Ильи и объясняла, где начинка лучше.

Дома пахло краской и запечённой курицей. Галя, Вериня сестра, выключила духовку за полчаса до их приезда и ушла, как договаривались. На холодильнике осталась записка: «Еда внутри. Я рядом». Без шаров, без плакатов. Вера боялась, что сдержанность покажется девочке равнодушием, и теперь с облегчением видела, как София рассматривает обычную кухню.

Их дом был последним в коротком ряду таунхаусов. Из кухни выходили на маленькую террасу, за ней шла общая дорожка, потом ограда и овраг. Наверху находились спальни. Комнату Софии устроили в бывшем кабинете, выходившем окнами во двор; Мишина комната оставалась по другую сторону лестницы. Вера убрала оттуда почти все вещи год назад. Осталась закрытая коробка на верхней полке.

София поставила сумку на пол у кровати.

— Здесь всё твоё, — сказала Вера. — Стол, полки. Если

захочешь переставить, переставим.

— А дверь закрывать можно?

— Можно.

— С той стороны?

Вера потрогала ручку.

— Замка нет. Мы стучим и ждём ответа. Если тебе страшно, оставишь открытой.

Девочка кивнула. Она попробовала открыть шкаф, осторожно, как в магазине, где можно задеть чужой товар. На плечиках висели вещи, которые они выбирали вместе в августе. София коснулась зелёного платья и отдёрнула руку.

За ужином Илья рассказывал о соседском коте, который иногда забирался к ним через террасу. Вера ждала улыбки и сердилась на себя за это ожидание. София внимательно слушала, доела картошку, потом сложила приборы рядом с тарелкой.

— Спасибо. Было вкусно.

— Можно ещё, — сказала Вера.

— Я знаю.

И снова посмотрела так, словно проверяла правильность ответа.

Перед сном Вера принесла чистые полотенца. София сидела на краю кровати уже в пижаме. На тумбочке стояли два стакана воды: один полный, другой с глотком на дне. Вера не слышала, как девочка ходила вниз.

— Хочешь, почитаем?

— Сегодня сама.

Вера поставила полотенца на стул.

— Хорошо. Я буду внизу ещё час. Илья в ванной. Если что-нибудь понадобится...

— Третья чашка есть?

— Какая?

— Обычная. Только без трещины.

Вера принесла белую чашку. София осмотрела ободок, поставила её на пол возле двери и осторожно повернула ручкой к стене.

— Для чего она?

— Чтобы ночью не пришлось искать.

Вера подумала о питье, о детях, которые привыкли ждать разрешения даже на воду. Спросила, не поставить ли чашку повыше, чтобы случайно не опрокинуть.

София впервые посмотрела ей прямо в лицо.

— Не надо. Она знает, где должна стоять.

Потом, заметив Верино недоумение, добавила:

— Я сама утром уберу.

Глава 2. Три места

Утром чашка оказалась в шкафу. Вера узнала её по синей точке на дне, следу старой наклейки. Она постояла перед открытой дверцей и потянулась за другой.

София пришла на кухню одетой. На ногах были уличные туфли, волосы стянуты резинкой так туго, что приподнялись брови.

— Рано ещё, — сказал Илья. — У нас суббота. Можно походить в пижаме.

— Я уже.

Он отложил телефон и показал яичницу. Желтки расплылись по всей сковороде.

— У меня тоже не всё по плану.

София вежливо улыбнулась. Илья улыбнулся в ответ, но Вера увидела, как он сжал ручку лопатки. Им обоим хотелось, чтобы девочка перестала быть гостьей. Они понимали, что одного дня мало, и всё равно слушали каждый её шаг.

После завтрака Вера предложила пройтись по дому. Не экскурсию, как вчера, а объяснить, где что лежит. София сама нашла корзину с бельём и спросила, можно ли стирать серое вместе с белым. Вера сказала, что разберут вместе. Девочка смотрела на стиральную машину дольше, чем на остальные вещи.

— Она пищит, когда заканчивает?

— Да. Можем выключить звук.

— Не надо.

— Если мешает, выключим. Мне не трудно.

— Тогда вы не услышите, что она закончила.

На втором этаже София остановилась у двери напротив своей комнаты.

— А тут кто?

Вера успела прочитать ответ в собственном теле: горло сжалось, ладонь стала влажной. Три года она пыталась говорить о сыне так, чтобы Илья мог остаться рядом и не выйти на улицу курить, хотя бросил за десять лет до аварии.

— Здесь была комната нашего сына. Миши. Мы рассказывали тебе о нём.

— Он умер.

— Да.

— А вещи остались?

— Немного. Сейчас здесь гостевая. Когда Галя остаётся ночевать, спит тут.

София кивнула, и Вера открыла дверь. Узкая кровать, стол без компьютера, книжный шкаф. На подоконнике росла толстянка. Соседка говорила, что растение погибнет от тени, но оно жило третий год.

— Ты сюда можешь заходить, — сказала Вера. — Только коробку наверху пока не трогай. Там памятные вещи, я хочу разбирать их сама.

— Я не буду.

Вера услышала в своём «пока» обещание будущей близости. София, кажется, услышала запрет. Весь остаток утра она проходила мимо комнаты, повернув голову в противоположную сторону.

Галя приехала с яблоками. Ей было сорок пять, она преподавала в колледже, носила простые серебряные кольца и всегда начинала разговор с того, что могло оказаться человеку полезным.

— Я тётя Галя. Но можно просто Галя. Яблоки кислые, предупреждаю сразу.

София взяла одно и спросила, надо ли мыть.

— Эти я мыла. Но если хочешь помыть ещё, мой.

— А нож можно?

Вера посмотрела на неё слишком быстро. Девочка заметила.

— Для яблока.

Галя подала маленький нож и доску. София сняла кожуру одной лентой. Мякоть поделила на четыре части, одну отодвинула в сторону. Когда Галя потянулась к ней, девочка прикрыла ломтик ладонью.

— Этот нельзя.

Рука Гали остановилась над столом.

— Хорошо. Возьму другой.

Ни удивления, ни шутки. Вера была благодарна ей за эту секунду.

Позже, пока София выбирала альбом на полке, Вера рас-

сказала сестре о чашке.

— Может, привычка, — сказала Галя. — Спроси, когда будет подходящий момент.

— Я спрашивала.

— Ты спрашивала, зачем. Может, она сама толком не знает.

Вера хотела возразить: ребёнок десяти лет способен объяснить чашку. Но посмотрела на Софию, которая переворачивала страницу двумя пальцами, чтобы не оставить следов, и промолчала.

Днём они сходили в магазин. В отделе канцелярии девочка выбрала простой карандаш, хотя Вера предложила набор цветных. У кассы Илья купил мороженое. София держала его за край обёртки и дала растаять почти наполовину, прежде чем спросила, можно ли съесть на улице.

На обратном пути она увидела детскую площадку. Остановилась у ограды и смотрела на девочку, которая залезла на горку снизу вверх. Мать с лавочки крикнула, чтобы та не пачкала штаны.

София сразу пошла быстрее.

Вечером Вера нашла под салфеткой у окна яблочный ломтик. Он потемнел и начал подсыхать. Она выбросила его вместе с кожурой.

В половине одиннадцатого наверху что-то упало. Илья был в душе; Вера поднялась сама. София сидела на полу возле тумбочки, обхватив себя за локти. Осколки белой чашки

лежали под дверью.

— Я не нарочно, — сказала девочка.

Вера остановилась в проходе.

— Ты не порезалась?

— Я не нарочно.

— Вижу. Не двигайся, я принесу веник. Можно я сначала посмотрю руки?

София спрятала ладони под колени.

Вера присела на безопасном расстоянии. На девочке была та же пижама, что вчера, но ворот мокрый. Она то ли плакала, то ли облилась водой. У стены стояли ещё два стакана. Один пустой.

— Я тебя не буду ругать за чашку, — сказала Вера.

— Вы убрали яблоко.

— Да. Оно испортилось.

София начала качаться, почти незаметно. Пятки прижались к полу, шея ушла в плечи.

— Я другое положу. Она не заметит. Можно другое. Я скажу, что сама съела.

Вера услышала, как в ванной перестала шуметь вода.

— Кто не заметит?

Девочка покачала головой.

Вера поняла, что сейчас любой вопрос будет похож на требование ответа. Она принесла тапочки, предложила поставить их перед Софией. Та позволила. Илья вымел осколки, Вера проверила пол влажной салфеткой. На чашке была тол-

стая глазурь, мелких крошек оказалось много. Всё это время София смотрела на их руки.

Потом она легла в кровать и попросила закрыть дверь.

— До конца? — спросила Вера.

— На щёлочку.

На лестнице Илья тихо сказал:

— Завтра позвоним Елене.

Вера кивнула. Елена Громова вела у них несколько занятий во время подготовки и оставила номер на случай трудного начала. Вера уже дважды набирала ей сообщение и стирала: не хотелось тревожить специалиста из-за каждой мелочи. Теперь это желание показалось ей стыдным. Она думала о том, как выглядит со стороны, пока девочка сидела среди осколков.

В час ночи Вера проснулась от шёпота.

Она сначала решила, что Илья говорит во сне. Но его дыхание было ровным, лицо лежало на сгибе руки. Шёпот доносился из коридора. Вера села, нащупала халат.

В щели Софьиной двери горела узкая полоска света. Девочка стояла спиной к ней, лицом к окну, поднеся к губам ладонь.

— Я выучила, — шептала она. — Я всё помню. Она просто не знала. Я не сказала.

Вера тихо постучала.

София обернулась. Глаза были широко открыты, но испуга на лице не было. Она смотрела с ожиданием, от которого

Вере стало холодно.

— Не спится?

Девочка опустила руку.

— Я готовлю.

— Что готовишь?

София перевела взгляд на пространство за Вериным плечом.

— Вас.

Глава 3. Нижняя сторона

В воскресенье Вера проснулась с головной болью и первой мыслью о работе. В музее оставалась разложенная на столе карта уезда: в пятницу она не успела укрепить надрыв на сгибе. Удивительно было помнить о бумаге, когда за стеной спал ребёнок, который ночью обещал её подготовить.

Она встала и открыла на телефоне переписку с Еленой Громовой. Написала всё коротко: третий стакан, яблоко, страх после разбитой чашки, ночные слова. Не написала «ри-туал». Пока это слово существовало лишь у неё в голове, оно делало каждое движение Софии подозрительным.

Елена ответила через полчаса. Предложила созвониться с родителями сегодня, девочку привезти во вторник, если та будет согласна на первую встречу. Отдельно спросила, есть ли повреждения, угрозы себе или другим, бессонница до утра. Вера ответила по порядку.

Илья сварил кофе и сел напротив.

— А что значит «вас»?

— Я не знаю.

— Она могла повторять запись.

— Могла.

— Мы же не знаем, что у неё там было.

Вера посмотрела на дверь. София спускалась по лестнице, считая ступеньки губами.

— Доброе утро, — сказала девочка.

Она остановилась возле стола, как будто в кухне поменяли правила, пока она спала.

— Доброе. Есть блины, — ответил Илья.

На этот раз он не пытался шутить. Просто поставил перед ней тарелку и спросил, сметану или варенье. София выбрала сметану.

Весь день прошёл почти спокойно. Они разобрали вещи, подписали тетради для школы. Софии предстояло начать занятия через неделю: сначала хотели дать ей освоиться, познакомиться с учительницей без класса. Вера не торопилась обещать подруг и любимые предметы. Сама в её возрасте ненавидела, когда взрослые заранее решали, что ей понравится.

После обеда София спросила, надо ли чистить картошку на ужин. Вера ответила, что они сделают макароны.

— Я могу.

— Знаю. Сегодня не надо.

— Тогда что надо?

Вера присела на ступеньку, чтобы не нависать.

— Ты можешь просто быть дома.

Девочка посмотрела так, словно услышала ответ на другом языке.

К вечеру прошёл дождь. Илья позвал Софию на террасу показать, как капли держатся на паутине. Она пошла, но остановилась у деревянной скамьи. Провела ладонью по си-

дню и спросила, чья она.

— Наша, — сказал Илья. — Я собрал. Видишь, тут криво? Не хватило терпения.

София наклонилась и заглянула под сиденье.

Через час Вера обнаружила там стружку.

Сначала она решила, что Илья наконец исправил выступающую рейку, о которую цеплялись колготки. Но рядом лежал простой карандаш Софии. В его торец была вставлена металлическая скрепка, разогнутая на один оборот. На нижней стороне скамьи виднелись три короткие черты, пересечённые дугой. Свежая древесина светилась в углублениях.

Вера присела. Чуть дальше, на ножке, был такой же знак, только меньше.

Она почувствовала, как меняется дыхание. Скамья стояла у дома, у их окна, под Мишиной старой кормушкой. Теперь на ней было чужое сообщение. Вера ещё не знала, кому, и от этого хотелось схватить наждачную бумагу немедленно.

София стояла в дверях.

— Это ты сделала? — спросила Вера.

— Да.

— Скрепкой?

— Да.

— Можно пораниться. И мебель царапать нельзя.

Девочка протянула руку за карандашом. Вера невольно отодвинула его.

София замерла.

— Я не прячу от тебя вещи, — сказала Вера. — Но сначала хочу понять, что это.

— Низ.

— Что низ?

— Снизу, чтобы не мешало.

— Я вижу. А сам рисунок?

Девочка молчала.

Илья вышел на террасу, остановился рядом. София посмотрела на него, на Веру, снова на карандаш. Вера заметила, как девочка переставляет носки туфель на одну линию с порогом.

— Давай вот как, — сказал Илья. — Скрепку уберём. Карандаш останется тебе. Если надо что-то нарисовать, есть бумага.

— На бумаге нельзя.

— Почему?

София поджала губы.

Вера вернула ей карандаш, заранее вынув скрепку. Это простое действие заняло слишком много времени: тонкий металл застрял в дереве, пришлось идти за плоскогубцами. София ждала неподвижно. Вера подумала, что сама превратила кусочек скрепки в важный предмет, за который борются взрослые.

После ужина Илья вымыл посуду, а Вера предложила девочке посидеть вместе в гостиной. Принесла бумагу, цветные карандаши, свой старый альбом. София перелистывала

его осторожно. На одной странице был нарисован Илья, спящий в поезде: Вера сделала набросок в первую совместную поездку, ещё до рождения сына.

— Он не знал? — спросила София.

— Знал потом.

— И разрешил?

— Посмеялся. У меня нос получился длиннее.

Девочка посмотрела на Илью. Тот специально повернулся к ней в профиль.

— Нет, нормальный, — сказала она и чуть улыбнулась.

Это была маленькая, неловкая улыбка без привычной готовности понравиться. Вера почувствовала такое облегчение, что захотела позвонить Гале, но удержалась.

Когда София ушла наверх, родители созвонились с Еленой. Та слушала, не перебивая, затем попросила описать знак без выводов.

— На старом корпусе приюта я будто видела похожий, — сказала Вера. — Может, просто царапины.

— Вы можете сфотографировать его и сохранить дату. Не нужно сегодня заставлять Софию объяснять всё. Важнее понять, что произойдёт, по её представлению, если она не делает привычное.

— Она не отвечает.

— Тогда не отвечает. Она у вас третий день.

Вера потеряла переносицу.

— Но если это что-то опасное?

— Если увидите опасность, останавливайте действие. При этом страх, с которым она его совершает, не становится меньше от запрета. Мы будем разбираться постепенно. И отдельно проверим, что она слушает.

После разговора Илья сказал:

— Ты же понимаешь, я не думаю, что это ерунда.

— Понимаю.

— У тебя сейчас такое лицо, будто я мешаю.

Вера посмотрела на него. Три года назад он тоже говорил: «Я не думаю, что это ерунда». Тогда она четвёртый вечер подряд читала заключение об аварии, хотя знала его наизусть. Водитель грузовика выехал на встречную, времени избежать столкновения не было. Она осталась жива. Миша нет. Одни и те же слова давали Илье опору, а у неё отнимали последнюю возможность что-нибудь исправить.

— Мне страшно не понимать, что у нас происходит, — призналась она.

Илья кивнул.

— Мне тоже.

Перед сном Вера постучала к Софии. Та сидела за столом. Плеер лежал перед ней экраном вниз, из наушников доносилось тихое шипение.

— Можно послушать с тобой? — спросила Вера.

София накрыла устройство ладонью.

— Там личное.

Вера вспомнила закрытую коробку на верхней полке.

— Хорошо. Но я хочу знать, безопасная ли это запись. Завтра обсудим, как сделать, чтобы ты не чувствовала, что я забираю твоё.

София долго смотрела на неё.

— Вы можете взять, — сказала она наконец. — Только сначала чашку поставьте.

Глава 4. Голос

Вера принесла чашку. Не белую, а старую жёлтую, которой София ещё не видела. Дно пришлось вытереть: на сушилке оставалась вода. Пока Вера несла её наверх, ей казалось, что она сдаёт какой-то экзамен, правила которого взрослый человек не должен принимать.

У двери София покачала головой.

— Не такую.

— Другой белой нет.

— Тогда стакан.

Вера вернулась на кухню. Илья стоял у раковины, опираясь ладонями о столешницу.

— Мы сейчас будем это делать каждый вечер?

— Я хочу услышать запись.

— Можно взять и услышать.

Она знала, что можно. И что Илья не требует вырывать плеер из рук. Он говорил о простом родительском праве проверить вещь, которая пугает ребёнка. Но Вера уже видела, как София умеет становиться неподвижной, исчезая из разговора, и боялась снова получить это молчание.

Она взяла стакан.

Девочка поставила его возле двери, строго посередине между косяками. Затем надела один наушник, второй протянула Вере. От провода пахло тёплой резиной. На крошеч-

ном экране светилось «07».

Сначала послышался скрип стула. Потом женщина сказала:

— Закрой глаза, если хочешь. Если не хочешь, смотри на свои ладони.

Голос был низким, спокойным, без музыки. Говорившая явно привыкла, что её слушают. Она делала паузы там, где другой человек уже начал бы следующую фразу.

— Ты далеко, но помнишь дорогу. В каждом доме есть место для того, кто ждёт. Не говори лишнего. Новые люди могут испугаться, потому что они ещё не знают, как мы бережём их.

София прикрыла глаза. Лицо у неё разгладилось.

Женщина говорила о воде, о чистом пороге, о трёх местах. Не называла ни ребёнка, ни адреса. Вера всё ждала сказки, и каждое следующее предложение отодвигало её дальше.

— У взрослых бывает тяжёлое сердце. Они думают, что сами выбирают боль. Ты сможешь им отдать её Матери. Не спорь с ними. Улыбайся. Работай тихо. Если забудешь, кто-нибудь останется внизу вместо тебя.

София сжала пальцами край футболки.

Вера нажала паузу.

Девочка открыла глаза.

— Ещё не всё.

— Я слышу. Мне нужно немного передохнуть.

— Там хорошее дальше.

— Мы дослушаем не сейчас.

София вытащила наушник. На шее у неё выступили красные пятна.

— Вы обещали.

— Я обещала послушать. Я послушала. Теперь должна поговорить с Ильёй.

Она не сказала «с папой». София пока называла их по именам, и Вера старалась не указывать, какие слова ей нужны.

— Не говорите ему, — попросила девочка.

— Почему?

— Он засмеётся.

— Не засмеётся.

— Вы не знаете.

Вера посмотрела на плеер в своей ладони. Хотелось вынести его из комнаты, выключить навсегда, купить другой с настоящими сказками. Она представила, как объяснит это Елене, и услышала в собственном объяснении облегчение взрослого человека, который избавился от неприятного звука.

— Я не могу оставить запись у тебя на ночь, — сказала она. — В ней тебя пугают. Я должна разобраться, кто её сделал.

— Меня не пугают.

— Ты сказала, что кто-то останется внизу. Это звучит страшно.

София встала. Отошла к шкафу и открыла его, хотя ни-

чего не собиралась доставать.

— Если вы её обидите, она перестанет приходить.

— Кто?

— Мать.

— Это человек, которого ты знаешь?

Девочка кивнула.

— Она живёт в приюте?

— Она не живёт.

Вера ждала продолжения.

— Она приходит туда, где нужно.

Внизу Илья выслушал запись до конца. Вера сидела рядом и записывала время. Последние две минуты состояли из дыхания и тихого счёта. Потом голос велел слушателю спать, «пока старшие делают свою работу».

Илья снял наушники.

— Это ей Тамара дала?

— При нас.

— А до этого?

— Не знаю.

Он потянулся к телефону.

— Подожди, — сказала Вера. — Сначала сохраним.

На работе она постоянно имела дело с тем, что люди уни-чтожали по незнанию: стирали пометки, отрывали оборо-ты фотографий, выбрасывали конверты. Сейчас эта привыч-ка помогла ей успокоиться. Они сфотографировали плеер, экран, перечень дорожек. Илья нашёл подходящий провод.

Компьютер увидел карту памяти как обычный накопитель.

Файлов было девять. Названия — цифры. Даты ничего не объясняли: все одинаковые, первое января. Илья сделал копию в отдельную папку. Сам плеер они больше не подключали.

На первой записи женщина объясняла, как расставить «места». На второй учила молчать, если взрослый спрашивает о прошлом. На третьей говорила, что хороший ребёнок может спасти другого, выполняя поручения. Вера выключила звук, когда прозвучало: «Не заставляй малыша отвечать за твою слабость».

— Елене сейчас, — сказал Илья.

Было поздно, но Елена ответила. Выслушала короткое объяснение, попросила сохранить записи и не устраивать девочке расспросов до утра. Если появится конкретная угроза или опасное действие, обращаться за немедленной помощью. Утром она предложит время раньше вторника.

— Похоже на систематическое запугивание, — сказала она. — Но я не могу по звонку сказать, что именно происходило. И ещё: это не вопрос только психолога. Вам надо выяснять происхождение записей через учреждение и, если угрозы подтвердятся, правоохранительные органы.

Вера отправила сообщение Полине Аркадьевне. Без пересказа чувств, с конкретным вопросом: кто передал Софии записи с упоминанием Матери и наказания другого ребёнка. Затем написала специалисту, через которого они позна-

комились с девочкой.

Тамаре пока не звонили. Оба хотели сначала услышать официальный ответ.

Наверху что-то скрипнуло. Вера поднялась.

София сидела на кровати босиком. стакан у двери был перевернут вверх дном.

— Я не сплю, — сказала она.

— Вижу. Хочешь, посижу?

Девочка пожала плечами. Вера села на стул, не на кровать.

За окном проехала машина. Свет фар скользнул по стене. София следила за ним до тех пор, пока прямоугольник не исчез.

— Вы тоже слышали? — спросила она.

— Да.

— Тогда теперь нельзя говорить, что вы не знали.

Вера не ответила сразу. От этих слов хотелось отшатнуться, но девочка произнесла их без угрозы. Словно наконец переложила на взрослого часть тяжёлой вещи, которую долго несла одна.

— Да, — сказала Вера. — Теперь я знаю, что тебя заставляли слушать. И буду выяснять остальное.

— Не остальное. Её.

— И её тоже.

София легла, повернулась к стене. Вера осталась сидеть. Через несколько минут девочка нащупала край одеяла и прошептала:

— Только Рому не забудьте.

Глава 5. Условие

Полина Аркадьевна позвонила в восемь двадцать. Вера стояла у плиты, помешивая кашу, и сначала не поняла, кто говорит: голос директора был ниже обычного, глухой, как после бессонной ночи.

— Тамара Николаевна давно не работает в штате, — сказала она. — Вы это знаете.

— Она передала плеер у вас во дворе. При вас.

— Я не видела содержимого пакета.

— Там девять записей. Женщина требует молчать о прошлом и угрожает другому ребёнку.

— Нужно выяснить, откуда они. Иногда дети меняются карточками памяти.

Вера выключила плиту.

— София сказала, что знает эту женщину. Вы знаете кого-нибудь, кого называют Матерью?

В трубке стало тихо. Вера слышала постукивание: директор, вероятно, шла по коридору.

— У нас дети по-разному называли воспитателей. Особенно младшие.

— Это не ответ.

— Вера Андреевна, я сейчас не в кабинете. Пришлите, пожалуйста, официальное обращение. Мы проверим. С Софией... с Софией всё нормально?

Вера посмотрела на лестницу.

— Она почти не спала.

— Первый период бывает сложным.

— Он станет проще, если вы расскажете, что с ней происходило.

Полина Аркадьевна пообещала перезвонить после совещания. Вера попросила отдельно проверить, где Рома и кто за него отвечает. Директор уточнила фамилию, хотя мальчик с разбитыми очками в учреждении был один.

После звонка Вера записала разговор по памяти, указав время. Илья отвёз заявление специалисту семейного устройства лично: не потому, что не доверял почте, а потому, что ему нужно было увидеть живого человека. Вера осталась с Софией.

Девочка ела кашу медленно. После каждого глотка воды смотрела на пустой стул Ильи.

— Он вернётся?

— Да. Скоро.

— Из-за меня ушёл?

Вера отставила свою чашку.

— Он поехал говорить со взрослыми, которые отвечали за вас в приюте. Мы оба хотим понять, что было на записи.

София положила ложку.

— Нельзя было им.

— Почему?

— Вы сказали Елене. Она далеко.

— А этим нельзя, потому что они близко?

Девочка отвернулась.

Вера села рядом, но не придвинулась.

— Ты боишься за Рому?

София посмотрела на неё исподлобья. У Веры впервые возникло ощущение, что девочка сердится по-настоящему, а не пытается удержать внутри тревогу.

— Не надо его имя так. Когда не знаете.

— Хорошо. Не буду спрашивать сейчас.

— Вообще не спрашивайте.

Вера собиралась сказать, что вообще обещать не может. Но София уже снова взяла ложку. Голод оказался сильнее разговора, и Вера позволила ей доесть.

Елена принимала в семейном центре на первом этаже старого дома. В коридоре стояла сушилка для зонтов, на стене висела фотография озера. София заметила запасной выход и спросила, можно ли пользоваться им вместо главной двери.

— Если понадобится, можно, — сказала Елена. — Сейчас он закрыт, но не заперт. Хочешь посмотреть?

Она показала, как поворачивается ручка, и вернулась к кабинету, не ожидая благодарности.

В комнате не было кушетки. Два кресла, небольшой стол, полки с бумагой и играми. София выбрала стул у двери. Елена спросила, как её называть. Потом предложила воду. Девочка отказалась.

Вера с трудом удерживалась от объяснений. Ей казалось,

что если не рассказать всё сразу, Елена потратит час на карандаши, а важное останется нетронутым. Но психолог разговаривала с Софией о пути, о машине, о том, какой сегодня дождь. Не делала голос нарочито детским.

— Вера рассказала, что дома трудно засыпать, — сказала она наконец. — Это так?

София пожала плечами.

— Ты можешь не рассказывать мне сегодня. Можно просто договориться, что делать, если ночью страшно.

— Мне не страшно.

— Хорошо. Тогда если не спится.

— Я знаю, что делать.

— А новые родители пока не знают?

Девочка посмотрела на Веру.

— Они мешают.

Елена не улыбнулась и не стала объяснять, что родители желают добра.

— Чем именно?

— Убирают.

— Вещи, которые тебе нужны?

Кивок.

— И тогда что-то может случиться?

София скрестила руки на груди.

— Вы уже знаете.

— Я знаю только, что мне рассказали. Я не была там, где была ты.

Девочка опустила голову. Вера смотрела на её туго заплетённую косу. Утром София не позволила помочь: сказала, что чужие руки путают порядок. Вера впервые задумалась, кто до неё стоял с расчёской за спиной ребёнка.

— Если они не будут готовы, — произнесла София, — ей придётся самой. Тогда больно.

— Кому больно? — спросила Елена.

— Который ждёт.

Вера почувствовала, как пальцы впиваются в подлокотник.

Елена попросила разрешения записать эти слова. София согласилась. На следующем вопросе замолчала окончательно. Психолог не стала возвращать её к нему. Достала лист бумаги и предложила нарисовать план новой комнаты — не людей, не страх, обычное расположение мебели.

София нарисовала кровать, шкаф, стол и дверь. Возле двери поставила три точки. Одну перечеркнула.

После встречи Елена поговорила с родителями отдельно, пока София с администратором выбирала наклейку для своей папки. Вера видела их через открытую дверь.

— Я не буду ставить ей диагноз по одному разговору, — сказала Елена. — Сейчас вижу ребёнка, который считает себя ответственным за чужую безопасность. Возможно, её систематически к этому приучали. Нам нужно время, чтобы понять подробности.

— Плеер не отдавать? — спросил Илья.

— Запугивающие записи ей не нужны. Но лишение знакомого способа успокаиваться может усилить тревогу. Будем вместе искать замену. Не требуйте от неё отказаться от убеждений ради вашего спокойствия. Опасные действия останавливайте, об этом мы уже говорили.

— А если там продолжают делать это другим? — спросила Вера.

Елена посмотрела на неё прямо.

— Тогда одних наших встреч недостаточно. Я подготовлю описание того, что наблюдала, без выводов о преступлении, которого не видела. Вы уже правильно сделали, что сообщили. Если получите угрозу или конкретные сведения о насилии, не ждите следующей консультации.

Вера кивнула. Ей хотелось ясного слова, которое позволяло бы действовать без сомнений. Елена давала только те слова, за которые могла отвечать.

На обратном пути София попросила остановиться у аптеки.

— Что болит? — сразу спросил Илья.

— Ничего. Роме нужны стёкла.

— Очки?

Она кивнула.

— Мы уточним, как можно помочь, — сказала Вера.

София повернулась к ней всем телом.

— Не «как можно». Купите. Тогда он сможет читать, даже если меня нет.

Илья притормозил у светофора. Вера подумала о множестве обещаний, которые уже получила девочка от людей в чистой одежде.

— Для очков нужен его рецепт. Я не могу купить правильные без него. Но сегодня спрошу, как передать ему помощь. И скажу тебе, что ответят.

София смотрела ещё несколько секунд, потом отвернулась к окну.

— А я пока не буду на скамейке, — сказала она.

Это прозвучало как условие договора. Вера приняла его всерьёз.

Глава 6. Сопровождение

Тамара приехала во вторник, когда Илья ещё не вернулся с работы. Вера увидела её через кухонное окно: серая куртка, пакет с логотипом пекарни, аккуратно закрытый зонт. Гостья стояла у калитки и смотрела на дом, будто проверяла номер.

София была наверху. За последние сутки она спала пять часов, ела без напоминания и один раз попросила включить мультфильм. Вере казалось, что это хрупкое равновесие можно разрушить даже громким звонком.

Она вышла сама, прикрыв дверь.

— Здравствуйте. Вы не звонили.

— Я была неподалёку. Решила занести пирожков.

От Лисьего Лога до Бережска было больше двухсот километров. Тамара могла действительно приехать по делам фонда, но слова «неподалёку» всё равно прозвучали небрежно.

— Сейчас неудобно. Давайте поговорим здесь.

Женщина перевела взгляд на окно второго этажа.

— София дома?

— Да. Мы не договаривались о встрече.

— Конечно. Просто хотела узнать, как вы. Полина Аркадьевна сказала, вы волнуетесь.

Вера держала руку на калитке.

— Кто записал файлы в плеер?

Тамара не переспросила.

— Они давно там. Голосовые занятия. Некоторые дети привыкают. Ничего дурного мы не вкладывали.

— Кто «мы»?

— Люди, которые пытались им помочь.

— Как зовут женщину?

— Лидия Сергеевна. Она работала с потерями. С очень тяжёлыми семьями.

Вера не отвела глаз. Гостья говорила ровно, но пальцы на ручках пакета побелели.

— Фамилия?

— Воронцова. Послушайте, нельзя вырывать фразы из контекста. Если София слушает это не первый год, резкая отмена может...

— Мы уже обратились к специалисту.

— Хорошо. К тому, который понимает её прошлое?

— Квалификацию специалиста мы проверили.

Тамара вздохнула и посмотрела на Веру с укором. В её лице было то же выражение, с каким взрослые смотрят на ребёнка, испортившего общий праздник.

— Я не собираюсь вмешиваться. Только прошу не выбрасывать плеер. Он для неё важен. И не надо говорить при ней, что Лидия Сергеевна плохая. Это навредит контакту.

Совет звучал разумно, почти так же, как слова Елены. Вера ощутила неприятную неуверенность: может быть, она сейчас ищет злой умысел в женщине, которая привезла выпечку. Она посмотрела на пакет. Сквозь бумагу проступило

круглое пятно масла.

— Мы ничего не выбросили. Записи сохранены. Я спрашиваю, почему взрослый человек говорит ребёнку, что его непослушание навредит другому.

— Вы не слышали весь курс.

— Я слышала девять файлов.

— Их больше.

Из-за спины Веры донёсся шорох. София вышла на порог босиком.

— Тамара Николаевна?

Лицо гостьи изменилось: улыбка стала шире, плечи опустились.

— Здравствуй, моя хорошая. Как устроилась?

София держала ладони вдоль бёдер. Не бежала к ней, не улыбалась.

— Хорошо.

— Пирожки принесла. Твои, с капустой.

Девочка посмотрела на пакет, потом на Веру.

— Можно?

— Пакет оставим, — сказала Вера. — А встречаться сегодня не будем. У нас планы.

— Конечно, — ответила Тамара прежде, чем София успела что-нибудь сказать. — Я только передам, что ты молодец. Держишь порядок.

Вера шагнула так, чтобы оказаться между ними.

— Не говорите с ней о порядке.

Женщина подняла брови.

— Я имела в виду вещи. У неё всегда всё лежало на месте. София смотрела в землю.

Тамара поставила пакет на столбик калитки и пошла к машине. Уже открыв дверцу, обернулась:

— Ночью не закрывайте её одну. Ей трудно, когда вода шумит за стеной.

— Откуда вы знаете про воду? — спросила Вера.

— Я знаю девочку шесть лет.

Машина уехала. София ещё постояла на пороге и вдруг сказала:

— Вы очень грубо.

Вера взяла пакет.

— Я не приглашала её и не согласна с тем, что она тебе передала.

— Она привезла еду.

— Еду можно есть. Мне всё равно нужно, чтобы взрослые договаривались со мной прежде, чем приезжать к тебе.

— А со мной?

Вера замолчала.

София ждала. Впервые вопрос не был ни проверкой правила, ни попыткой угадать правильный ответ. Она хотела получить то же право, которое только что потребовала себе Вера.

— С тобой тоже, — сказала Вера. — Мне следовало сказать и это.

На кухне девочка понюхала пирожок и отложила. Вера разломилась второй: капуста, лук, немного яйца. Ничего особенного. Ей стало стыдно за то, что она вообще рассматривала начинку.

Илья вернулся в семь. Он был усталым и промок, потому что на объекте пришлось идти через раскопанный двор. Вера рассказала о визите, пока он переодевался. На имени Лидии Воронцовой он перестал вытирать волосы.

— Что? — спросила Вера.

— Фонд. У них руководительница с такой фамилией.

— Ты её видел?

— В документах. Нам давали буклет, когда мы первый раз приезжали. «Тихий берег».

Вера вспомнила голубую папку с фотографией детской площадки. Они рассматривали её в машине, пока ждали директора. Потом Илья положил буклет в бардачок.

— Он остался?

— Не знаю. Посмотрю.

Позже они сидели над сайтом фонда. В разделе «Люди» Воронцовой не было. В отчёте трёхлетней давности она значилась председателем попечительского совета. Женщина на фотографии выглядела обычной: тёмное платье, крупные кисти рук, короткие волосы. Рядом стояли двое чиновников и директор приюта. За их спинами был тот самый серый корпус, только окна ещё не заколочены.

Вера увеличила изображение. На косяке двери виднелась

дуга над тремя чертами.

— Это может быть просто номер, — сказал Илья.

— Может.

Он помолчал, потом подвинул к ней ноутбук.

— Я не пытаюсь тебя успокоить. Я пытаюсь не сделать из каждой линии подтверждение.

Вера кивнула. Сфотографировала экран, сохранила страницу вместе с адресом. Ей тоже нужна была граница между тем, что они видели, и тем, что начинали представлять.

Наверху София закрыла дверь. Вера поднялась пожелать спокойной ночи и увидела на тумбочке пирожок. Девочка сняла с него верхнюю корочку и положила рядом, как крышку.

— Ты его не хочешь?

— Хочу.

— Можно оставить в холодильнике.

— Она поймёт, что я получила.

— Кто поймёт?

София посмотрела на неё с утомлением.

— Вы каждый раз спрашиваете, хотя знаете.

Вера села на стул.

— Да. Я знаю, о ком ты говоришь. Но я не знаю, как она должна понять, что пирожок у тебя.

София ответила не сразу.

— Если всё правильно, она видит.

— А если неправильно?

— Тогда ей рассказывают.

Глава 7. Коробка Миши

В среду София познакомилась с учительницей. Вера ждала в коридоре, листая на телефоне рабочую почту. Заведующая музеем спрашивала, нужен ли ей ещё отпуск. Вера написала: «Пока не знаю», стёрла, написала: «До конца недели точно». Потом убрала телефон и стала рассматривать расписание уроков, чтобы не стоять лицом к двери.

Учительница, Мария Павловна, вывела Софию через двадцать минут. Девочка держала в руке учебник русского языка.

— Мы пока познакомились, — сказала Мария Павловна.
— С понедельника начнём спокойно. Если устанет, сообщите, подумаем вместе.

Ни слова о трудном ребёнке. Вера была благодарна, хотя заранее готовила ответы на вопросы, которых никто не задавал.

София по дороге спросила, можно ли писать в учебнике карандашом. Вера сказала, что лучше в тетради. Девочка кивнула и притихла.

— Тебе понравилась учительница?

— Она не закрыла.

— Дверь?

— Да.

После обеда Вера разрешила себе час работы дома. При-

везённая из музея папка содержала копии старых описей; оригиналы она никогда не уносила. Нужно было сверить два почерка на оборотах фотографий. София сидела рядом, делала задания, которые дали для знакомства с её знаниями. Читала она уверенно, но на простом примере с остатком долго держала карандаш над бумагой.

— Можно я посмотрю? — спросила Вера.

София подвинула тетрадь. Ответ был правильный, просто не обведён.

— Здесь всё верно.

— Надо проверить ещё.

— Проверь.

Вера вернулась к своим копиям. Через несколько минут София спросила:

— А если бумага порвалась, её чинят?

— Иногда. Смотря какая бумага и как порвалась.

— Чтобы не видно?

— Чтобы дальше не рвалась. След всё равно остаётся. Мы не должны делать вид, будто вещь новая.

Девочка посмотрела на лежавшие под прозрачной плёнкой образцы реставрационной бумаги. Потрогала плёнку пальцем.

— А если письмо порвать?

— Можно собрать, если все куски есть.

София больше ничего не спросила.

К вечеру приехала Галя. Илья предупредил, что задер-

житься: на станции сломался привод задвижки, и он ждал запасную деталь. Вера впервые за последние дни вышла из дома одна. Купила хлеб, молоко, слишком много слив. Возвращалась медленно, прислушиваясь к шагам за спиной и сердясь на собственное воображение.

Галя встретила её в прихожей.

— Всё нормально. Делали уроки. Потом она спросила про Мишу.

Вера замерла с пакетом в руках.

— Что спросила?

— Любил ли он эту комнату. Я сказала, да. Не стала рассказывать лишнее.

— Где она?

— Наверху. Вера, не пугайся заранее. Ей интересно, кто жил здесь до неё.

Вера поставила молоко в холодильник. Слива выскользнула из пакета и покатилась под стол. Она оставила её там.

На верхней площадке горел свет. Дверь в гостевую была приоткрыта. Вера толкнула её пальцами.

София стояла на стуле перед шкафом. Коробка с Мишиными вещами лежала на столе. Крышка была снята, на ней аккуратно сложены маленькая шерстяная шапка и пакет с рисунками.

— Я просила не трогать, — сказала Вера.

Голос получился резким. Девочка вздрогнула, стул качнулся. Вера шагнула к нему, придерживала спинку.

— Слезай. Осторожно.

София поставила одну ногу на пол, затем другую. В руке у неё была пластиковая фигурка лисы с отколотым ухом.

Вера узнала её раньше, чем разглядела. Миша называл лису капитаном, возил с собой в машине, давал ей распоряжения на выдуманном языке. В день аварии фигурка осталась дома. Этот случайный факт Вера долго воспринимала как измену вещи, которая пережила хозяина.

— Положи, — сказала она.

София протянула лису.

— Она сказала, вы держите его здесь.

Вера забрала фигурку и почти не услышала слов.

— Я объяснила: коробку пока не трогаем. Здесь больше ничего запрещённого нет. Это единственная...

Она остановилась, потому что София отступила к двери и закрыла голову руками.

Галя поднялась по лестнице. Ничего не спросила, просто остановилась на пороге.

Вера положила лису на стол.

— Я не ударю тебя.

София опустила руки не сразу.

— Мне надо было посмотреть.

— Зачем?

— Он мешает.

Вера почувствовала, как что-то тяжёлое и горячее поднимается из живота к горлу.

Галя сказала:

— София, пойдём со мной попьем воды. Вере нужно немного времени.

— Нет, — сказала Вера. — Подожди.

Она боялась, что если девочка уйдёт сейчас, эти слова останутся между ними навсегда. Заставила себя сесть на край кровати.

— Кто сказал про него?

— Мать.

— На записи?

— Раньше. Что у вас мальчик. И что у него лиса. Вы держите, потому что не хотите отпустить. Она может помочь.

Галя смотрела на Веру. Та не могла отвести глаз от фигурки.

Лисы не было в публичных фотографиях. Вера почти ничего не выкладывала после аварии. Про неё знали родственники, психолог, следователь по дорожному делу. Илья. Несколько друзей. Приёмных родителей спрашивали об утрате сына, но в анкетах не было лисы.

— Когда она тебе это сказала?

— Перед последней встречей. Когда вы привозили платье.

Вера вспомнила августовский день, зелёную ткань, Софию, которая спросила, можно ли оставить чек. Она тогда подумала, что девочка боится не подойти.

— И ещё она сказала: у него было только одно ухо. Теперь он слышит одним. Поэтому надо говорить ближе.

У фигурки не было одного уха. У Миши были оба. Вера смотрела на игрушку и понимала, как в детской голове слились эти две вещи.

— Она не может вернуть Мишу, — сказала она.

София покачала головой.

— Не вернуть. Вы всё неправильно хотите.

Вера выдохнула. Пальцы онемели.

— Я злюсь, что ты открыла коробку. Но я не буду тебя бить и не перестану с тобой жить. Сейчас Галя побудет рядом. А я уберу вещи сама.

София посмотрела на лису ещё раз и вышла.

Вера не заплакала. Она складывала шапку, рисунки, маленький блокнот, где Миша записал пароль из одних восьмёрок. Галя вернулась через десять минут, села рядом на пол.

— Ты думаешь, кто-то ей рассказал?

Вера кивнула.

— Иначе откуда.

— Илья?

— Он бы сказал.

Вслух это прозвучало увереннее, чем она чувствовала.

Илья приехал в половине десятого. Вера ждала на кухне. Перед ней лежала фигурка лисы.

Он увидел её, остановился и снял куртку очень медленно.

— София нашла?

— София знала. Про лису, про ухо. Знала до того, как мы забрали её.

Илья опустил глаза.

Вера не стала спрашивать второй раз. Он сам отодвинул стул.

— Я говорил с Тamarой.

— Когда?

— В августе. Ты была с Софией в кабинете. Я ждал внизу.

Она спросила про Мишу.

Вера смотрела на мужа и пыталась вспомнить, как он вошёл тогда в комнату. Весёлый, с двумя стаканчиками чая.

— Я не думал... — начал Илья.

— Что именно ты рассказал?

Он провёл ладонью по лицу.

— Всё, наверное.

Глава 8. Без свидетелей

Вера перенесла подушку в гостевую, но лечь там не смогла. На краю стола всё ещё виднелся светлый прямоугольник, где стояла коробка. Она забрала подушку и спустилась на диван.

Илья не пошёл за ней. Остался наверху, разговаривал с Софией через закрытую дверь. Вера слышала только отдельные слова. Потом вода в ванной, скрип половиц, тишина.

Галя ушла в одиннадцать, перед этим спросила, не остаться ли. Вера отказалась. Ей нужно было хоть час не объяснять другому человеку, почему она сидит с выключенным телевизором и не спит.

На диване пахло стиральным порошком. Этот запах тоже принадлежал времени после аварии. Тогда Галя перестирала весь дом, пока Вера лежала в больнице: бельё, пледы, шторы. Хотела помочь. Вера вернулась и не узнала воздух. Долго молчала, потом устроила ссору из-за детского свитера, который сел на полразмера. Галя не отвечала, только повторяла: «Я не знала». Сейчас Вера вдруг поняла, как часто люди во круг произносили эти слова, а она ждала, чтобы они всё-таки знали.

Илья спустился около полуночи. Взял из шкафа одеяло и положил на кресло.

— София спит. Наверное. Я спросил, нужна ли вода, она

сказала нет.

Вера кивнула.

Он постоял у двери.

— Ты хочешь, чтобы я ушёл из дома?

Вера подняла голову. Сам вопрос испугал её сильнее, чем она ожидала.

— Нет. Я хочу не разговаривать сейчас.

— Хорошо.

Он пошёл к лестнице, но остановился.

— Я не рассказывал Тамаре, чтобы она помогла нам заметить Мишу. Если ты так подумала.

— Я не подумала.

— А я потом подумал. Что, может, именно поэтому начал. Она спросила, готовы ли мы к другому ребёнку, если ещё держимся за первого. Я стал объяснять, что мы всё понимаем. Доказывать незнакомому человеку, что мы нормальные.

Вера смотрела на тёмный экран. В нём отражался муж, стоявший у лестницы, как гость, которому ещё не сказали, можно ли остаться.

— Они спрашивали меня почти то же, — сказала она. — Только я отвечала правильно. Про то, что у каждого ребёнка своя жизнь. А дома проверяла, не выбрали ли мы краску такого же цвета.

Илья сел на край кресла.

— Я тоже проверял.

Несколько минут они молчали. Вера почувствовала, что

может заплакать, и стиснула зубы. Если заплачет, он подойдёт. Если подойдёт, захочется простить раньше, чем она поймёт, что именно произошло.

— После аварии, — сказала она, — ты всё время говорил, что мы справимся. Как будто это работа. Подождать, сделать нужное, и будет новая жизнь.

Илья опустил глаза.

— Я не знал, что говорить.

— Я знаю. Но я слышала, что ты уже идёшь дальше. А я ещё там.

Он провёл пальцами по шву кресла.

— Я не шёл. Я каждый день ездил той дорогой. Когда ты была на работе. До поворота и обратно.

Вера повернулась к нему.

— Зачем?

— Не знаю. Смотрел, как там едут другие. Старался понять, почему у них получается проехать, а у вас не получилось. Потом понял, что вопрос дурацкий, и перестал ездить. Но не перестал думать.

Она никогда не знала этого. Ей казалось, весь их дом был построен вокруг её вины, её воспоминаний, её невозможности забыть. Илья носил продукты, работал, менял лампочки. Свое горе он оставлял где-то на дороге, чтобы не увеличивать её.

— Почему не сказал?

Он посмотрел на неё, и Вера поняла, как знакомо звучит

вопрос.

— Думал, тебе станет хуже.

— Мне сейчас хуже от того, что я не знала тебя три года.

Илья кивнул. Не стал говорить, что это несправедливо. Они всё-таки знали друг друга: кто просыпается от дождя, кто забывает закрыть хлеб, кто не может смотреть на маленькие перчатки в магазине. Но между этими знаниями лежала огромная территория, которую оба обходили, называя обход заботой.

Вера подтянула ноги на диван.

— Я не могу сейчас простить за Тамару.

— Я не прошу сейчас.

— Но я не хочу, чтобы ты ушёл.

Он выдохнул, очень тихо.

Наверху скрипнула дверь. София стояла на верхней ступеньке, держась за перила.

— Вы разводитесь?

Вера сразу села ровнее.

— Нет. Мы разговариваем о том, что нас расстроило.

— Из-за меня?

Илья поднялся, но не пошёл по лестнице без приглашения.

— Из-за моих решений. Не твоих.

София посмотрела на Веру.

— Вы внизу.

— Я решила сегодня поспать здесь. Это не значит, что мы

перестали быть семьёй.

Девочка молчала. Вера уже собиралась предложить посидеть рядом, когда София спросила:

— А утром будет завтрак?

Вера кивнула.

— Будет.

— И школа?

— На следующей неделе, как договорились. Завтра мы ещё дома.

София постояла, затем вернулась в комнату. Вера услышала, как закрылась дверь, но не до конца.

Илья остался у лестницы.

— Я поставлю будильник, — сказал он. — Ты поспи сколько получится.

Он ушёл наверх. Вера накрылась одеялом. Не почувствовала примирения, не решила, что теперь они умеют говорить. Просто узнала ещё одну правду о человеке, с которым собиралась защищать ребёнка. Это было больно и всё же лучше, чем оставаться рядом с выдуманной версией мужа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.